

О старом казаке Илле Муровце

Да ты, поди, слышал, как старой казак Илля Муровец собиралса в стольной Киев-град ехать ко службе. Он ведь пошибал-бивал людей. Ну и конь у его был — вовся собачче объедало. И царь-то известен, да я позабыла званне его... Илля дома жил. Сама князина воспожа у его свахой была.

Слыхала, что он тридцать три годы сидел на. . . . И приходили к ему перехожая каляки под окошечко и говорили: « Илюша, вставай-ко-сь, дай-ко нам воды напиться». Он имя отечат: «Я не могу идти». А они ему упеть говорят: «Вставай-ко, вставай, Илюша, не оманывай нас!» Ну стал он ставать и стал, да и зачерпнул он в чашу воды и подносит имя пить. И потом они попили — много ли, мало ли, — и говорят: «Натко, ты пей сам». Потом он пил эту чару до дна. Выпил, а они его спрашивают: «Ну как таперь ты о себе чуешь?» Он имя сказал: «Да я чую, как бы ровню подобрать». Они упеть говорят ему: «Зачерпни-ка ешшо одну чашу воды, да испей ие сам». Он упеть выпил сю воду. Упеть спрашивают: «А таперь я чую в себе силы, как бы был столб в землю вкопан, да можно было его поворотить, я бы поворотил весь белой свет». Потом они распросилиса, каляки-то, и они в том числе ему говорили: « Иди ты куды хошь, и сходи за город, и там ходит кобыленка с жеребеночком, и надознайся хозяина, и купи етого жеребеночка».

Потом он, Илюша, пошел к отцу на пашню, где отец с матерью чистили залог. Он пришел и сказал своим родителям про все, и говорит: « Бог на помочь!» Они зрадовались, что их Илюшенька пришел и стал им помогать, и дубья или сосны там стал из корню рвать. Потом ушел от их за город, нашел ету кобыленку и купил етого жеребеночка.

Потом много, мало ли с отцом побыл и стал у отца блаословления просить: блаословить, что ехать ему по святой Русе. И потом стал он блаословляться. И сосна, и дубья, и лиственъ в землю преклонялися, ковды Илюшенька блаословлялся. Блаословляла его родна мать и говорила ему: « Не обидь ты хресьян и не пей ты крови хресьянской занапрасно».

Потом Илюшенька собрался прямым путем-дорожкой. Поехал Илюша в стольный Киев-град. (Какой он там был!) И поехал он мимо Соловья-разбойника, который посвистом убивал за двенадцать верст. Доехал до

Соловья-разбойника. И потом его конь [пал] накорочь от свисту от Соловьиного. Он и говорит: «Ах ты, собачья объедала, что ты боишься Соловья-разбойника?» (А конь у его был чистая белка: озера и речки меж ногами и быстры реки перескакивал. Это у них ишшо была споня, у богатырей: вот у Илли Муровца перескочил, а другого не мог перескочить.) «Только собакам годишься!» . . Он рванул его да и стегнул. Пошел конь. Не доехавши до Соловья-разбойника, стрелил его из своего туга лука каменной стрелой. Попал ему во правой глаз. И Соловей-разбойник упал с двенадцати дубов. Он слез с коня и взял его привязал в торка за правое крыло, и повез его в город.

А в городе у Соловья-разбойника было три дочери. Они глядят в окошечко, и старшая говорит: «Тятенька везет в торках кого-то». А середняя не могла признать, а меньша-то говорит: « Не тятенька везет, а тятеньку везут за правое крыло!» Дочери откупали отца, давали ему несметную казну, а он не отдал. Хотелось ему повезти его на смотр царю.

У царя была служба в тот день. Илля торопился ко службе: прямым-то путем ему поспеть, а кривым-то не успеть. Он приехал, успел ко службе. Царь его спрашивает: «Каким ты путем ехал? — «А вот я ехал мимо Соловья-разбойника». Богатыри ему не верили. «Тридцать лет уже запала дорога туды, и ништо туды не ездил». Он ему сказал: « Ежли не веришь, то пойдёмка, он ведь у тебя во дворце». Снял он Соловья-разбойника, показал имя. А он живой, только глазу нет. Вышли они, все богатыри и царь с царицей, и говорят ему: « Вели-ка ему свистнуть». (Царь-от слышал, что он посвистом убивал.) Илля Муровец сказал ему: «Убери ты свою восударыню под праву руку». Сказал: «Ну, свистни, только (с)мотри не на весь свист, а потише». Тот свистнул в полсвиста, и они, как стояли, все упали, осталса один сам старой казак Илля Муровец на ногах. Богатыри осердились на его, и восударь осердилса тоже.

И был у царя упеть пир. А у Иллюши была шуба, и они бросали шубу на пол. И из-за того у царя с Иллюшей вышел супор, и посадил он его в темную темницу. Он сидел много годов. Была у его онна книга. И стали на царя напирать протчие богатыри. А Иллюша все в темнице. У его был ход в земле, и ему стряпки носили тунно исть. Царь в ту пору вспомнил: « Ежли бы да у меня был бы Иллюша, я бы не боялся их». Пошли они в темницу, а он живой. . . (Нескладно как-то рожатца, забыла уж почитай все, забыла и есь!). . . Ковды они вывели его, и восударь поклонилса ему и повинилса, Иллюша попросил отдохнуть маненькё. Потом он садилса на своего коня и

брал свою палицу. И он ехал и махал своей палицей в войско, и давил переулочки, а заворотится — дак давил улицы. Всее силу он побил палицей.

Ковды старой стал, и поёхал он в свой город, хде он хотел помереть, и только въехал, и не доехал, куды ему было желательно, и только доехал до собора что ли, и тут с конем окаменел. Тут уж ему и конец был.

(Записал А. А. Савельев в августе 1912 г. от А. Т. Безруких в д. Ярки на нижней Ангаре)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.